

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОБРАЗ БУДУЩЕГО: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Т.А. НЕСТИК

Предлагается теоретический анализ социальных представлений о будущем как социально-психологического феномена, рассматриваются основные подходы к их изучению в социальных науках, выделяются их структура и психологические функции, а также факторы их формирования (личностные, межличностные, групповые, межгрупповые и социетальные). Обосновывается актуальность и намечаются перспективы дальнейших исследований социально-психологических аспектов прогнозирования.

Ключевые слова: коллективный образ будущего, отношение к будущему, социально-психологические аспекты прогнозирования, социальная психология прогнозирования, самосбывающееся пророчество.

Глобализация рисков и рост социальной напряженности обуславливают растущую потребность в межличностном и межгрупповом диалоге о совместном прошлом и будущем, способах согласования различных групповых образов «коллективной судьбы». Согласованность представлений членов группы о будущем становится все более важным условием ее интеграции. Коллективные риски требуют от современных групп и организаций способности расширить временные рамки своего существования: глубже видеть свое прошлое и дальше заглядывать в будущее. В условиях непрерывных изменений не только успешность, но и само выживание личности, различных групп и организаций, общества в целом оказываются в зависимости от их способности к рефлексии открывающихся перед ними долгосрочных возможностей и угроз.

Без понимания социально-психологических аспектов группового отношения к будущему очень трудно расширить горизонт предвидения в современных

организациях и обществе в целом, обеспечить не только своевременный анализ будущего, но и совместные действия по предотвращению долгосрочных рисков. Можно констатировать, что если психология индивидуального прогнозирования — сегодня достаточно развитая область исследований (Ломов, Сурков, 1980; Регуш, 2003 и др.), то в социальной психологии феномены прогнозирования и отношения к будущему изучены крайне недостаточно.

Все это делает востребованной разработку нового научного направления, формирующегося на протяжении последних 15 лет — *социальной психологии прогнозирования*. Ее предметом являются:

- особенности отношения индивида к будущему, проявляющиеся в результате его включения в отношения с другими людьми;
- межличностное и межгрупповое взаимодействие при совместном прогнозировании будущего (например, в ходе форсайт-сессии, когда заинтересованные стороны совместно определяют образы вероятного и желаемого будущего);
- особенности восприятия, переживания и осмысления будущего в групповом

сознании и совместной деятельности, не сводимые к характеристикам субъективного будущего отдельной личности (например, внимание к будущему и его ценность в организационной культуре, рефлексивность в отношении будущего как групповая характеристика).

Центральным феноменом социальной психологии прогнозирования, на наш взгляд, является отношение социальной группы к будущему, проявляющееся в восприятии, переживании, осмыслении будущего, а также в предпочитаемых способах действий в отношении него у членов определенной группы. Основным компонентом отношения социальной группы к будущему являются *социальные представления о будущем*.

В данной статье предлагается теоретический анализ социальных представлений о будущем как социально-психологического феномена, выделяются психологические факторы их формирования, а также намечаются перспективы дальнейших исследований в области социальной психологии прогнозирования. Мы используем понятия «социальный», «коллективный» и «групповой» как синонимичные, хотя и признаем возможность их дифференциации и даже противопоставления в других теоретических подходах.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Под *социальными представлениями о будущем* мы понимаем совокупность представлений о будущих процессах и явлениях, разделяемых членами социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе.

В теории социального прогнозирования и работах по инновационно-технологическому форсайту социальные представления о будущем, как правило, рассматриваются сквозь

призму противопоставления обыденного предвидения, опирающегося на жизненный опыт и подверженного манипуляциям, и технологического прогнозирования, объективного, верифицируемого, опирающегося на специальные научные методы (Бестужев-Лада, Наместникова, 2002; Соколов, 2007 и др.). При этом даже несбывшиеся прогнозы футурологов воплощают в себе важные тенденции всего общества (Юревич, Цапенко, 2010; Майло, 2011).

В экономической психологии представления о будущем изучаются как потребительские ожидания, играющие важную роль в потребительском и сберегательном поведении, инфляционных процессах, финансовых кризисах и т.п. (Нестик, 2011б) и являющиеся важным индикатором социального самочувствия (Красильникова, 2011). Ожидания в отношении будущего определяют ориентацию на потребительскую и сберегательную активность, на отношение к кредитам и предпринимательство. Оптимистический образ будущего подталкивает к потреблению и займам, а также способствует инвестиционной активности, формирует готовность оттягивать вознаграждение.

В рамках социологии и социальной психологии риска коллективные представления о будущем рассматриваются с точки зрения способности современного общества к рефлексии и предотвращению порождаемых им социальных рисков (Н. Луманн, Э. Гидденс, О.Н. Яницкий и другие). Получает признание тот факт, что прогнозирование рисков и оценка их вероятности опирается не только на личные и групповые интересы, но и на социокультурные механизмы, конструирующие массовые страхи (У. Бек). Образ будущего — коллективные надежды и страхи — определяется групповыми ценностями (М. Дуглас, А. Вилдавски).

На наш взгляд, в содержании социальных представлений о будущем можно выделить пять основных феноменов:

- *коллективные цели и планы*, объединяющие и координирующие усилия группы в ходе совместной деятельности;

- *групповые ожидания*, т.е. представления о значимых событиях ближайшего будущего, которые члены группы не могут контролировать, но стремятся учесть в своих планах;

- *групповые мечты*, т.е. представления о желательных для группы изменениях в обществе, которые не предполагают немедленной и полной реализации в действительности;

- *коллективные страхи*, т.е. разделяемые членами группы представления об угрозах для индивидуального и коллективного благополучия или даже для самого существования группы и организации;

- *коллективные идеалы*, т.е. представления о принципиально недостижимой, но желательной для группы ситуации.

Представления о будущем можно рассматривать как компонент группового отношения ко времени и в более узком смысле — групповой временной перспективы (Нестик, 2011а, 2011д), т.е. отношения группы к своему прошлому и будущему.

В структуру отношения группы к своему будущему входят аффективные, когнитивные и поведенческие компоненты.

К *аффективным* компонентам можно отнести:

- 1) значимость коллективного будущего для членов группы;

- 2) общую позитивную или негативную оценку будущего своей группы;

- 3) оценку отдельных социальных процессов и явлений, влияющих на будущее группы;

- 4) позитивную или негативную оценку усилий группы по реализации своих целей.

К *когнитивным* компонентам, на наш взгляд, относятся представления

- 1) о коллективном будущем,

- 2) о социальных процессах и явлениях, которые могут повлиять на будущее группы,

- 3) о силе и характере влияния будущего группы на ее членов,

- 4) о предсказуемости коллективного будущего,

- 5) об управляемости будущего, способности группы повлиять на свое будущее.

К *поведенческим* компонентам можно отнести:

- 1) готовность членов группы к конкретным действиям для осуществления образа предпочтительного коллективного будущего, для реализации коллективных целей и надежд;

- 2) готовность членов группы обсуждать коллективное будущее друг с другом и с представителями других групп;

- 3) групповые предпочтения в отношении тех или иных способов прогнозирования коллективного будущего;

- 4) предпочитаемые группой способы воздействия на свое будущее.

Наряду с компонентами отношения к совместному будущему можно выделить ряд характеристик самого образа этого будущего — содержательные и динамические.

К *содержательным характеристикам* коллективного образа будущего можно отнести

- субъектность, т.е. веру в способность группы повлиять на свое благосостояние; степень оптимизма в отношении коллективного будущего;

- относительную сформированность представления о будущем по сферам жизни группы или общества (например, иммиграция и будущее межэтнических отношений, демографическая ситуация, уровень инфляции и цены на товары и услуги, будущая пенсионная политика государства, ожидаемый уровень налогов, будущее российского производства после вступления в ВТО и т.д.).

К *динамическим характеристикам* данного образа относятся:

- протяженность временной перспективы, т.е. максимальная отдаленность

будущих событий, связываемых со своей группой;

- устойчивость к изменениям, происходящим с социальной группой в настоящем; относительная многовариантность, т.е. наличие в коллективных представлениях нескольких сценариев развития ситуации.

Как и у коллективной памяти, у социальных представлений о будущем есть ряд важнейших социальных функций.

В частности, *идентификационная функция* социальных представлений о будущем проявляется в том, что они становятся основанием для социальной категоризации и сравнения. Вне зависимости от того, приобретает общность будущего через личный выбор или же она навязана волей обстоятельств, люди, объединенные будущим, стремятся найти сходство между собой в прошлом и настоящем. Сходство или различие предполагаемого будущего делает возможным и релевантным социальное сравнение между группами, ранее не рассматривавшими друг друга как значимые.

Выполняя *консолидирующую функцию*, социальные представления о будущем повышают сплоченность группы, обеспечивают ее членов осознанием взаимозависимости в достижении совместных целей и чувством общности судьбы.

Целеобразующая функция связана с тем, что наличие общих, разделяемых членами группы представлений о будущем облегчает им формулирование индивидуальных и коллективных целей, позволяет планировать совместную деятельность.

Социальные представления о будущем выполняют и *ценностно-мотивационную функцию*: коллективные идеалы и мечтания, усваиваемые членами группы в ходе первичной или вторичной социализации, влияют на ценностные ориентации личности.

Представления о будущем могут также выполнять *функцию защиты позитивной идентичности*, когда позитивная самооцен-

ка членов группы восстанавливается за счет отнесения не реализовавшихся событий в ближайшее или отдаленное будущее.

Наконец, социальные представления о будущем выполняют *функцию адаптации к социальным изменениям*. С одной стороны, коллективные страхи, а также прогнозы, исходящие из авторитетных для членов группы источников, позволяют группе подготовиться к изменениям. С другой стороны, в содержание представлений о будущем неизбежно попадают знакомые черты настоящего и прошлого: групповое сознание как бы «приручает» будущее, уподобляя его настоящему, стереотипизируя будущие события, приближая их к стандартам коллективного опыта.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ

Среди психологических факторов формирования коллективного образа будущего можно выделить личностные, групповые, межгрупповые и социетальные.

К *личностным факторам* относятся, на наш взгляд, выраженность индивидуальной временной ориентации на будущее, протяженность временной перспективы, уровень тревожности, социальная идентичность, ценностные ориентации. Сюда же можно отнести ряд когнитивных эффектов прогностической деятельности — сверхоптимизм, самопророчество, стереотипизация отдаленных во времени событий, эвристики доступности и представленности, эффекты «черных лебедей», пренебрежения масштабом риска и др. (Yudkowsky, 2008).

Удаленность будущих событий, о которых мы склонны думать, является устойчивой характеристикой временной перспективы личности (Cottle, 1974; Nuttin, Lens, 1985). Протяженность этой перспективы различается в разных культурах, но в среднем не превышает 15–20 лет. Иными

словами, мы не склонны заглядывать в будущее более чем на одно поколение вперед (Tonna et al., 2006).

Более того, протяженность временной перспективы сокращается в условиях социальных кризисов (Муздыбаев, 2000; Нестик, 2011а). Как показали исследования З. Залесского, тревога в отношении будущего, т.е. ожидание негативных событий в собственном отдаленном будущем, связана с пессимистическими прогнозами относительно способности своей социальной группы влиять на складывающуюся ситуацию (Zaleski, 1996).

Коллективные страхи и надежды различаются по содержанию и, по-видимому, выполняют разные социально-психологические функции. Опасения носят крайний характер, т.е. включают наименее желательные сценарии развития событий. Надежды, напротив, более консервативны и прагматичны. Страхи выполняют функцию мобилизации коллективных ресурсов и адаптации к изменениям в условиях высокой неопределенности, тогда как надежды выполняют функцию сохранения позитивной идентичности и являются основой для планирования жизнедеятельности.

В отечественной и зарубежной футурологии часто используется алармистский подход, когда людей призывают опомниться перед лицом близкой катастрофы (Турчин, Батин, 2012). Действительно, нагнетание тревоги повышает внимание общества к будущему, однако делает его образ более туманным. Напротив, есть данные, свидетельствующие о том, что оптимизм прямо связан с частотой размышлений о будущем и отчетливостью образа будущего (Tonna et al., 2006).

Разумеется, оптимизм в отношении будущего может иметь и негативные последствия. Хорошо известный эффект сверхоптимизма проявляется в склонности большинства людей исключать из своего образа будущего негативные события, а также недооценивать вероятность того,

что неприятности приключатся именно с ними, а не с другими (McKenna, 1993). Одно из объяснений этого эффекта состоит в том, что отсутствие соответствующего опыта мешает нам адекватно оценить риски; кроме того, мы стараемся сравнивать себя с теми людьми и группами, которые заведомо наиболее подвержены данному риску.

Как показало наше исследование социальных представлений россиян об экономическом будущем, проведенное совместно с Т.П. Емельяновой и Т.В. Дробышевой в 2011–2012 гг., респонденты склонны оценивать свое отдаленное будущее более позитивно, чем ближайшее (Нестик, 2012б; Емельянова, 2012; Емельянова, Дробышева, 2013). Возможно, данный эффект объясняется тесной связью представлений о себе в долгосрочном будущем с Я-концепцией личности. Известно, что по сравнению с нашими представлениями о себе в ближайшем будущем образ Я в отдаленном будущем более схематичен, надситуативен и включает в себя более широкие социальные идентичности (Wakslak et al., 2008). По-видимому, позитивная оценка своего благосостояния в будущем выполняет функцию защиты нашей позитивной идентичности.

Как известно, успешное речемыслительное прогнозирование связано со способностью использовать абстрактные, теоретические знания (Ломов, Сурков, 1980; Регуш, 2003). Согласно теории уровней темпорального конструирования, временная или пространственная удаленность событий влияет на то, как мы их осмысливаем (Lieberman, Trope, 2003). Психологически близкие события представляются нами на низком уровне абстрагирования — в деталях, через уникальные, конкретные особенности. Напротив, психологически удаленные события осмысливаются с высоким уровнем абстракции, через общие категории и наиболее существенные характеристики. В отношении

отдаленных во времени людей и событий стереотипы используются чаще, чем в отношении близких. Иными словами, чем дальше личность заглядывает в будущее своей группы (семьи, организации, профессионального сообщества и т.д.), тем больше она опирается на опыт прошлого и сформировавшиеся ранее стереотипы.

Среди *межличностных факторов* следует выделить прежде всего содержательные и структурные характеристики социальных сетей, в которых осуществляется межличностная коммуникация по поводу будущего. Межличностные факторы представлений о будущем пока еще изучены совершенно недостаточно, поэтому мы позволим себе сформулировать предположения, требующие эмпирической проверки.

Исследования в области коллективных воспоминаний показывают, что при межличностном взаимодействии воспоминания обоих собеседников трансформируются: усиливаются связи между событиями, появляются события, которых ранее в индивидуальных представлениях не было (Lee et al., 2010). Можно предположить, что на формирование представлений о будущем влияет межличностный дискурс в социальной сети (по аналогии с коллективной памятью), т.е. что степень знакомства и уровень доверия между людьми воздействуют на содержание их представлений о будущем.

Оказалось, что оценка вероятности событий отдаленного будущего зависит от способа их описания: при более детальном описании они оцениваются как более вероятные. При этом на оценку вероятности событий ближайшего будущего степень подробности их описания не влияет (Bilgin, Brenner, 2008). Таким образом, абстрактность наших представлений об отдаленном будущем делает их более гибкими, более подверженными изменениям в межличностном дискурсе. Обсуждение будущего с друзьями и коллегами приво-

дит к тому, что отдаленные гипотетические события «обрастают» деталями и от этого кажутся более вероятными.

Можно также предположить, что при конструировании своих представлений о будущем личность опирается не только на собственную автобиографическую память и жизненный опыт, но и на опыт других людей — жизненные истории, ожидания и опасения близких знакомых, значимых других. Таким образом, важным фактором становится не только то, как часто мы задумываемся о совместном будущем, но и то, с кем конкретно мы его обсуждаем.

К *групповым факторам* формирования коллективного образа будущего можно отнести целый ряд феноменов, связанных с механизмами внутригруппового социального влияния.

Как оказалось, групповая сплоченность снижает чувствительность группы к будущим рискам и повышает ее склонность переоценивать свое влияние на будущее (Stoner, 1968; Abrams et al., 1990). Ускорение изменений и острый дефицит времени, испытываемый сегодня практически всеми организациями, делают группу невосприимчивой к экспертным оценкам и прогнозам, расходящимся с уже сложившимися представлениями и мнением лидера (Kerr, Tindale, 2004).

Несмотря на то, что наши представления о поведении других людей и социальных групп бывают ошибочными на момент прогноза, они вполне могут осуществиться благодаря реакции других на наши же действия. Этот эффект получил название «*самосбытающееся пророчество*»: публично сделанные предсказания ситуации становятся частью этой ситуации и влияют на дальнейшие события (Merton, 1948). Согласно Р. Мертону, основой подобных пророчеств являются нормы и ценности, поддерживаемые политическими, культурными и экономическими институтами общества.

Таким образом, групповые представления о будущем обладают свойством

самоподтверждения и самореализации: наблюдая за словами и действиями друг друга, члены группы находят все больше подтверждений своим ожиданиям и все больше опираются на них в собственном поведении.

К *межгрупповым факторам* формирования социальных представлений о будущем относятся механизмы социального сравнения, аутгрупповая дискриминация, межгрупповые стереотипы и ксенофобия.

Исследования в области социальной психологии риска показывают, что представления о риске выполняют функцию защиты позитивной групповой идентичности. Ключевую роль в их формировании играет стремление личности символически дистанцироваться от опасности, относя ее к внешним для своей группы силам, приписывая источник риска или его последствия не своей, а чужой группе (Joffe, 2003). Иными словами, социальные представления о будущем в значительной степени определяются степенью напряженности межгрупповых отношений и значимыми группами сравнения: представляя будущее, мы конструируем отличия своей группы от других.

Образ будущего тесно связан с уровнем ксенофобии и напряженностью межгрупповых отношений. Рост социальной напряженности сопровождается снижением долгосрочной ориентации, негативной оценкой будущего, выраженной ориентацией на прошлое (Муздыбаев, 2000; Наумова, 1997; Попова, 1999; Нестик, 2003, 2011в, 2012а; Гудков, 2005; Солдатова, Нестик, 2010, 2011).

К *социетальным факторам* формирования социальных представлений о будущем относятся прежде всего ценности и нормы, регулирующие отношение к будущему в культуре, а также социально-экономическая ситуация в государстве и мире.

Среди важнейших особенностей крупных социальных групп, влияющих на формирование коллективного образа бу-

дущего, следует выделить низкую рефлексивность и подверженность массовидным явлениям: слухам, паническим настроениям. Кроме того, в отличие от малых групп, образ будущего здесь конструируется не вокруг коллективных целей, а вокруг позитивных и негативных ожиданий, то есть вероятных событий, на которые невозможно повлиять.

По мнению Б.В. Дубина, ключевыми факторами, определяющими отчетливость образа будущего и его прогнозируемость в массовом сознании, являются степень социальной дифференциации (наличие различных институтов, социальных ролей, независимых и конкурирующих элит, предлагающих обществу разные сценарии будущего), уровень институционального доверия, а также степень «жесткости» социальных норм, т.е. допустимость «игры», вариативность жизненных сценариев в различных социальных группах и социальная мобильность (Дубин, 2011). На наш взгляд, к этим трем факторам следует добавить ценности общества, влияющие на оценку значимости тех или иных возможностей и рисков.

Важную роль здесь могут играть СМИ, привлекающие внимание аудитории к определенным событиям. Рассматривая представления о потенциальных рисках хранения ядерных отходов, Р. Касперсон, Н. Пиджон и их коллеги предлагают концепцию социальной амплификации риска. С их точки зрения, тревоги по поводу будущего связаны с определенными событиями, освещаемыми СМИ, и могут усиливаться или затихать, подобно кругам на водной поверхности от падения камня. Внимание к рискам зависит от групповых представлений о мире, культурных и политических ценностей, информационных каналов, доверия людей друг к другу и социальным институтам (Kasperson et al., 2003).

Образ будущего основан на работе, проделанной коллективным воображением в прошлом. Иными словами, существует

коллективная память о будущем (Varbrook, 2007; Samuel, 2009). Содержащая сделанные когда-то авторитетные прогнозы, образы фантастической литературы и кино, такая память служит опорой при социальном конструировании будущего. Широта охвата аудитории и доступность средств массовой коммуникации, в том числе социальных медиа, делают публичные прогнозы и художественные образы все более важным фактором не только повседневных представлений о будущем, но и реализации технических инноваций.

Важным фактором формирования представлений о будущем является *глобализация временной перспективы*: благодаря системе образования, традиционным и электронным СМИ жизненный мир человека расширился до пределов земного шара. У. Бек назвал этот эффект внутренней глобализацией (Beck, 2002). Эмпирические исследования свидетельствуют о существовании глобальной памяти (Liu et al., 2005; Ellermann et al., 2007). Какая часть социальных представлений о будущем может быть инвариантной для различных культур? Очевидно, предметом ожиданий и страхов могут быть процессы и события, носящие глобальный характер (например, изменение климата, угроза ядерной войны).

Вместе с тем ряд исследований указывает на наличие культурных особенностей в прогнозировании будущего. Например, сопоставление протяженности национальных форсайтов в области социально-экономического и научно-технического прогнозирования показало, что наиболее долгосрочная перспектива — на 100 лет вперед — характерна для стран Юго-Восточной Азии, тогда как наиболее краткосрочным их горизонт оказался в Восточной Европе — всего 5–10 лет (Keenan, Porret, 2008). С одной стороны, это может объясняться темпом экономического роста: чем он быстрее, тем дальше страны заглядывают в будущее. С другой стороны, долгосрочность прогнозирования в

азиатских странах может быть связана с их культурными характеристиками: по данным Г. Хофстеда и М. Бонда, именно страны Юго-Восточной Азии характеризуются наиболее высокой долгосрочной ориентацией (Hofstede, Bond, 1988; Nevins et al., 2007).

Не только протяженность перспектив, но и содержание представлений о будущем может быть связано с культурными характеристиками. Так, изучение ожиданий россиян свидетельствует о том, что чаяния в отношении будущего достаточно устойчивы и отражают исторический путь, пройденный страной (О чем мечтают россияне..., 2012).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

На наш взгляд, можно выделить несколько наиболее перспективных направлений дальнейшего изучения социальных представлений о будущем как социально-психологического феномена.

Во-первых, требует дальнейшего изучения специфика коллективного прогнозирования будущего в различных сферах жизнедеятельности. Например, представления о будущем могут по-разному влиять на различные виды экономического поведения: сберегательного, инвестиционного, предпринимательского, потребительского. По-видимому, на формирование групповых представлений о будущем в этих сферах могут оказывать влияние разные социально-психологические факторы.

Во-вторых, это прояснение специфических закономерностей формирования коллективного образа будущего, аналогичных тем, которые задействованы в формировании коллективной памяти. В частности, можно предположить, что существуют циклы конструирования коллективного будущего, схожие с циклами коллективной памяти (Collective memory..., 1997), соответствующие смене поколений:

каждые 20 лет общество заново переосмысливает свое будущее, реконструируя его в соответствии с актуальными сегодня ценностями. Многие указывают также на то, что в массовом сознании существуют «заговор молчания» и «эффект психологической дистанции» в отношении вероятных, но неприятных событий будущего (изменение климата, последствия истощения ресурсов и загрязнения окружающей среды и т.п.).

Более пристального внимания психологов требуют «культурные орудия будущего», поддерживающие наши представления о грядущем: от фантастической литературы и астрологии до корпоративных, федеральных и региональных планов, регулярных прогнозов в СМИ, котировок фондовой биржи, крупных форсайт-сообществ и участников краудсорсинговых проектов. Уточнение источников информации и сообществ, которые формируют мнение о будущем, может пролить свет на то, какие механизмы межличностного и межгруппового взаимодействия лежат в основе представлений о будущем в разных сферах общественной жизни — экономической, политической, научно-технической и т.д.

В-третьих, важной задачей является уточнение роли групповых эмоциональных состояний и групповой рефлексии в формировании образа будущего. По-видимому, групповая рефлексия играет важную роль в оценке нынешнего положения группы исходя из альтернативных сценариев ее будущего (Cinnirella, 1998). Необходимо также уточнить, как именно могут воздействовать друг на друга при формировании образа будущего, с одной стороны, социальные эмоции и коллективные эмоциональные состояния, а с другой — групповая рефлексия.

В-четвертых, крайне мало изученным остается влияние межгрупповых отношений на представления о будущем. По-видимому, образ будущего может играть

роль компенсаторного защитного механизма, помогающего группе преодолеть фрустрацию, вызванную низкостатусным положением в социально-экономической системе.

В-пятых, чрезвычайный интерес представляет построение психологической типологии отношения к будущему в малых и крупных социальных группах. Среди возможных оснований такой типологии могут быть выделены: значимость коллективного будущего и его оценка в представлениях членов группы; степень субъектности, в том числе представление о способности группы влиять на собственную коллективную судьбу. Высокая или низкая ориентация членов группы на коллективное будущее может сопровождаться разным уровнем рефлексивности, а также разными эмоциональными состояниями: от паники и тревоги до уверенности и энтузиазма.

В условиях непрерывных изменений, при переходе к экономике знаний и вступлении в сетевой век прогнозирование перестает быть задачей немногих избранных. Оно приобретает командную и сетевую форму совместной деятельности, которая ведется практически непрерывно и охватывает все более крупные социальные категории — организации, общественные движения, крупные социальные группы. На эффективность такого форсайта все больше влияют особенности межличностного, внутригруппового и межгруппового взаимодействия его участников и заинтересованных в нем сторон. Между тем социально-психологические аспекты прогнозирования остаются практически мало разработанными в отечественной науке.

Без понимания социально-психологических аспектов группового отношения к будущему очень трудно расширить горизонт предвидения в современных организациях, обеспечить не только своевременный анализ будущего, но и совместные действия по предотвращению долгосроч-

ных рисков и реализации открывающихся возможностей.

Для решения большинства социальных, экономических и экологических проблем необходимо развитие долгосрочной перспективы не только у элит, но и на других уровнях общества — от семьи, трудового коллектива до политических партий и общественных движений. Условием социальности сегодня становится способность совместно конструировать будущее, объединять различные временные перспективы. Таким образом, роль отношения к будущему как фактора социальной интеграции становится сегодня все более актуальной научной и прикладной проблемой.

1. *Бестужев-Лада И.В., Наместникова Г.А.* Социальное прогнозирование. М.: Педагогическое общество России, 2002.
2. *Гудков Л.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // *Образ врага* / Сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7–79.
3. *Дубин Б.* Координата будущего в общественном мнении России // *Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии*. Т. XVII. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 500–513.
4. *Емельянова Т.П.* Когнитивные и эмоциональные компоненты образа будущего благосостояния у московских студентов // *Знание. Понимание. Умение*. М.: Изд-во МОСГУ, 2012. № 2. С. 226–231.
5. *Емельянова Т.П., Дробышева Т.В.* Образ будущего благосостояния в обыденном сознании россиян // *Психол. журн.* 2013. Т. 34. № 5. С. 16–32.
6. *Красильникова М.Д.* Интегральные показатели социального самочувствия // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*. 2011. Т. 107. № 1. С. 109–117.
7. *Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н.* Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980.
8. *Майло П.* Что день грядущий нам готовил? М.: ЛомоносовЪ, 2011.
9. *Муздыбаев К.* Переживание времени в период кризисов // *Психол. журн.* 2000. Т. 21. № 4. С. 5–21.
10. *Наумова Н.Ф.* Время человека // *Социол. журн.* 1997. № 3. С. 159–176.
11. *Нестик Т.А.* Социальное конструирование времени // *Социол. исслед.* 2003. № 8. С. 12–21.
12. *Нестик Т.А.* Отношение к времени в малых группах и организациях. М.: ИП РАН, 2011а.
13. *Нестик Т.А.* Отношение личности ко времени и экономическое поведение // *Культура и экономическое поведение: Сб. научных статей* / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: МАКС Пресс, 2011б. С. 166–189.
14. *Нестик Т.А.* Коллективный образ будущего и социальная интеграция в молодежной среде // *Психология образования: Детство как стратегический ресурс развития общества: Мат-лы VII Всероссийской научно-практич. конференции*. М.: Федерация психологов образования России, 2011в. С. 214–216.
15. *Нестик Т.А.* Коллективный образ будущего и временная перспектива группы как социально-психологические феномены // *Малая группа как объект и субъект психологического влияния* / Под общ. ред. А.С. Чернышева. Курск: Курск. гос. ун-т, 2011. Ч. 2. С. 96–100.
16. *Нестик Т.А.* Роль коллективного образа будущего в преодолении ксенофобии // *Научные мат-лы V Съезда Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество»* (Москва, 14–18 февраля 2012 г.): В 6 т. М.: РПО, 2012а. Т. 3. С. 430–431.
17. *Нестик Т.А.* Социально-психологические факторы формирования коллективного образа экономического будущего // *Человек в экономических и социальных отношениях* / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, Л.Н. Широкова. М.: ИП РАН, 2012б. С. 85–88.
18. *О чем мечтают россияне (размышления социологов): Аналитический доклад* / Под ред. М.К. Горшкова. М.: ИС РАН, 2012.
19. *Попова И.М.* Представления о настоящем, прошедшем и будущем как переживание социального времени // *Социол. исслед.* 1999. № 10. С. 135–145.
20. *Регуш Л.А.* Психология прогнозирования: Успехи в познании будущего. СПб.: Питер, 2003.
21. *Соколов А.В.* Форсайт: взгляд в будущее // *Форсайт*. 2007. № 1. С. 8–15.
22. *Солдатова Г.У., Нестик Т.А.* Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // *Национальн. психол. журн.* 2011. № 2. С. 15–24.
23. *Солдатова Г.У., Нестик Т.А.* Молодежь в сети: сила и слабость социального капитала // *Образовательная политика*. 2010. № 4 (42). С. 10–29.
24. *Турчин А., Батин М.* Футурология. XXI век. Бессмертие или глобальная катастрофа? М.: Бином. Лаборатория знаний, 2012.
25. *Юревич А.В., Цапенко И.П.* Наука в современном российском обществе. М.: ИП РАН, 2010.

26. *Abrams D.* et al. Knowing what to think by knowing who you are: self-categorization and the nature of norm formation, conformity and group polarization / *Abrams D., Wetherell M., Cochran S., Hogg M. A., Turner J.* // *Brit. J. Soc. Psychol.* 1990. V. 29. P. 97–119.
27. *Barbrook R.* Imaginary futures: from thinking machines to the global village. L.: Pluto Press, 2007.
28. *Beck U.* The cosmopolitan society and its enemies // *Theory, Culture and Society.* 2002. V. 19. N 1–2. P. 17–44.
29. *Bilgin B., Brenner L.* Temporal distance moderates description dependence of subjective probability // *J. Exp. Soc. Psychol.* 2008. V. 44. N 3. P. 890–895.
30. *Cinnirella M.* Exploring temporal aspects of social identity: The concept of possible social identities // *Europ. J. Soc. Psychol.* 1998. V. 28. P. 227–248.
31. *Cottle T.J.* Perceiving time. A psychological investigation with men and women. N.Y.: John Wiley & Sons, 1974.
32. *Ellermann H. et al.* How global are our memories? / *Ellermann H., Glowsky D., Kromeier K.-U., Andorfer V.* // An empirical approach using an online survey // *ASA 2007 Annual Meeting.* P. 1–20.
33. *Hofstede G., Bond M.H.* The Confucius connection: From cultural roots to economic growth // *Organizational Dynamics.* 1988. V. 16 (4). P. 4–21.
34. *Joffe H.* Risk: From perception to social representation // *Brit. J. Soc. Psychol.* 2003. V. 42. P. 55–73.
35. *Kasperson J.X.* et al. The social amplification of risk: Assessing fifteen years of research and theory / *Kasperson J.X., Kasperson R.E., Pidgeon N., Slovic P.* // *Pidgeon N., Kasperson R.E., Slovic P.* (eds). *The social amplification of risk.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. P. 13–46.
36. *Keenan M., Popper R.* Comparing foresight “style” in six world regions // *Foresight.* 2008. V. 10. N 6. P. 16–38.
37. *Kerr N.L., Tindale R.S.* Group performance and decision making // *Annual Review of Psychology.* 2004. V. 55. P. 623–655.
38. *Lee S., Ramenzoni V.C., Holme P.* Emergence of collective memories // *Plosone.* 2010. V. 5. N. 9. URL: <http://www.plosone.org/article/info:doi/10.1371/journal.pone.0012522> (дата обращения: 3.06.2013).
39. *Lieberman N., Trope Y.* Temporal construal // *Psychol. Rev.* 2003. V. 110. P. 403–421.
40. *Liu J.H., Goldstein-Hawes R., Hilton D.* Social representations of events and people in world history across 12 cultures // *J. of Cross-Cultural Psychol.* 2005. V. 36. P. 171–191.
41. *McKenna F.P.* It won’t happen to me: Unrealistic optimism or illusion of control? // *Brit. J. Psychol.* 1993. V. 84. P. 39–50.
42. *Merton R.K.* The unanticipated consequences of purposive social action // *Amer. Sociol. R.* 1936. V. 1. N 6. P. 894–904.
43. *Merton R.K.* The self-fulfilling prophecy // *Antioch Review.* 1948. V. 8. P. 193–210.
44. *Mitchell D.J., Russo J. E., Pennington N.* Back to the future: Temporal perspective in the explanation of events // *J. of Behavioral Decision Making.* 1989. V. 2 (1). P. 25–38.
45. *Nevins J., Bearden W., Money B.* Ethical values and long-term orientation // *J. of Business Ethics.* 2007. V. 71. N 3. P. 261–274.
46. *Nuttin J., Lens W.* Future time perspective and motivation: Theory and research method. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1985.
47. *Pennebaker J.W., Banasik B.* On the creation and maintenance of collective memories: History as social psychology // *Pennebaker J.W., Paez D., Rimé B.* (eds). *Collective memory of political events.* Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1997. P. 3–19.
48. *Samuel L.R.* Future: A recent history. Austin, TX: University of Texas Press, 2009.
49. *Stoner J.A.F.* Risky and cautious shifts in group decisions: The influence of widely held values // *J. Exp. Soc. Psychol.* 1968. V. 4. P. 442–459.
50. *Tonna B., Hemrick A., Conrad F.* Cognitive representations of the future: Survey results // *Futures.* 2006. V. 38. P. 810–829.
51. *Wakslak Ch.J* et al. Representations of the self in the near and distant future / *Wakslak Ch.J., Nussbaum Sh., Liberman N., Trope Y.* // *J. Person. and Soc. Psychol.* 2008. V. 95. N 4. P. 757–773.
52. *Yudkowsky E.* Cognitive Biases Potentially Affecting Judgment of Global Risks // *Bostrom N., Ćirković M.M.* (eds). *Global Catastrophic Risks.* N.Y.: Oxford Univ. Press, 2008. P. 91–119.
53. *Zaleski Z.* Future Anxiety: Concept, measurement, and preliminary research // *Personal Individual Difference.* 1996. V. 21. N 2. P. 165–174.